

Закончив латать крышу, Хан Цзянсюэ стряхнул с шерсти накопившуюся пыль и в пару ловких прыжков взлетел на подоконник, где тут же столкнулся взглядом с Янь Фэйду. Бессмертный как раз свернул несколько свитков и протянул их зверьку.

— Здесь описаны базовые приёмы фехтования, которые тебе сейчас по силам, — ровным голосом произнёс Янь Фэйду. — В следующий раз, если столкнёшься с нечистью, сможешь испробовать новые техники.

Хан Цзянсюэ сцапал свитки и радостно запрыгал на месте. На мгновение показалось, будто он вот-вот сорвётся и прыгнет Янь Фэйду прямо на грудь, однако в последний миг зайчонок всё же совладал с собой.

«А если я снова налечу и заставлю его плевать кровью?»

Заметив на себе изогнутую в немом вопросе бровь Бессмертного, кролик вежливо и со всей искренностью улыбнулся:

— Почтенный Бессмертный, поправляйтесь скорее!

«Нынче он совсем хилый — от любого сквозняка кашляет, — сочувственно размышлял зверёк. — Может, сбегать в горы да набрать для него целебных линчжи?»

Янь Фэйду лишь молча посмотрел на него. В глубине души у него возникло смутное ощущение, что его только что откровенно пожалели.

Передав свитки, Янь Фэйду как бы между прочим добавил:

— Ты усердно поработал на крыше и, должно быть, устал. В заднем дворе есть термальный купальный бассейн. Если захочешь смыть грязь — милости прошу. А если нет...

Впрочем, нежелание мыться было бы вполне естественным. Большинство оборотней сохраняют повадки, присущие им до обретения разума. Янь Фэйду отродясь не видел кроликов, добровольно лезущих в воду, к тому же этого малыша вырастила кошка — а значит, к воде он питает особую неприязнь.

— Ого! А я ещё не видел здешних горячих источников! — оживился Хан Цзянсюэ. — Почтенный, а вы со мной пойдёте?

Янь Фэйду, принявший на себя брызги туши, и сам собирался омыться. Услышав приглашение, он сдержанно кивнул и плавной походкой спустился вниз.

Хан Цзянсюэ вихрем метнулся в свою комнату, сгрузил туда свитки и тут же выскочил обратно.

Янь Фэйду всё ещё ждал его на крытой галерее.

Обитель Опавших Персиков оказалась самым изысканным местом из всех, что довелось видеть Хан Цзянсюэ. Поэтичные персиковые рощи, пруды, над которыми раскинулись изогнутые мостки, живописные беседки и павильоны... Вдоль галерей висели золотистые бамбуковые шторы; к их нижним краям крепились бирюзовые кисти, едва припорошенные нестывшим снегом.

Каменные плиты двора и настил галерей, вычищенные деревянными марионетками с духовными сосудами, блестели словно зеркала. Вверху высились резные оконные решётки и круглые арочные проёмы лунных ворот, сквозь которые свешивались цветущие персиковые ветви, похожие на шёлковые ленты, выроненные небожительницами.

Всё здесь буквально дышало невероятной роскошью!

Опомнившись, Хан Цзянсюэ прибавил ходу и пристроился рядом с Бессмертным.

Внезапно по двору пробежал сквозняк. Бамбуковые шторы зашуршали, и порыв ветра слегка приоткрыл створку из чёрного эбенового дерева. Заглянув внутрь комнаты, Хан Цзянсюэ успел заметить убранство: расшитый золотом ковёр, курильницу, изящную цитру и портрет на дальней стене.

Из-за своего крошечного роста зайчонок не мог разглядеть портрет с земли — нужно было запрыгнуть на высокий порог. Но стоило ему подпрыгнуть, как Янь Фэйду подхватил его в воздухе за загривок.

Тяжёлая дверь захлопнулась. Бессмертный отрицательно качнул головой:

— На эту картину смотреть нельзя.

— Там запечатан злой дух? — любопытствовал кролик.

Янь Фэйду сперва со всей серьёзностью кивнул, но, увидав, как сжался и натянулся зверёк, улыбнулся кончиками губ:

— Куда хуже злых духов. Там изображён оборотень, способный пленить и похитить саму душу.

Пока Хан Цзянсюэ озадаченно ломал голову над тем, что же это за кошмарный монстр такой, Янь Фэйду неспешно пошёл дальше. Ему не требовалось смотреть на холст — облик того юноши и без того был выжжен в его памяти до мельчайших черт.

— Так вот где находятся горячие источники! — ахнул Хан Цзянсюэ, едва ступив на землю.

Слабый запах серы заставил его смешно чихнуть. Миновав несколько лунных ворот, они оказались в глубоком заднем дворе. Перед зайчонок предстал чарующий купальный бассейн, выложенный белоснежным нефритом. От поднимавшегося густого пара пушистая шубка зверька мгновенно влажнела и обмякала.

Зайчонок недовольно потербил мордочку лапками, сбивая сырость, и отступил на пару шагов:

— Почтенный, вы мойтесь, а я пока поброжу вокруг, проверю — вдруг тут где-нибудь мыши затаились!

Пушистый комок удрал быстрее ветра. Провожая взглядом круглую спину кролика, Янь Фэйду подумал: «И то верно, он ведь и не обещал, что станет купаться... Хитёр».

Хан Цзянсюэ тем временем тщательно обшаривал окрестности. Если уж в переднем дворе грызунов не нашлось, может, хоть здесь повезёт? Он снувал вдоль стен, пробирался сквозь густую траву, переворачивал мелкие камни, но так и не наткнулся ни на одну норку.

Как усердный «котик», Хан Цзянсюэ разительно отличался от обычных ленивых котов, работавших спустя рукава. Ему непременно хотелось совершить настоящий подвиг! В конце концов, сам-то он знал, что кошачьей породы в нём нет ни капли, а потому чувствовал себя эдаким самозванцем, которому нужно доказывать своё право на кошачью «должность».

Услышав отдалённые шаги, стихающие на галерее, Хан Цзянсюэ понял, что Янь Фэйду ушёл. Поводя носом, кролик уловил в воздухе шлейф благовоний Бессмертного — прохладный, с едва ощутимой горчинкой, — и вновь поплёлся к бассейну.

Скинув крошечную одежду на краю огромной купальни, зайчонок с громким всплеском бултыхнулся в тёплую воду.

В это время Янь Фэйду восседал в своих покоях, пока марионетка бережно сушила его волосы над курильницей. Что-то заставило его обернуться. Хотя духовное чутьё пока оставалось запечатанным, чувства высокого практика были остры, и до его слуха донеслись далёкие, еле слышные всплески.

Не успел Янь Фэйду задуматься, купается ли зайчонок или просто плещется, как на подоконник с небес камнем упала птица с пышным фиолетовым хвостом. Птаха смерила Бессмертного внимательным взглядом, причём движения её и осанка были до удивительного человеческими.

— Батюшки! Сколько времени ты уже восстанавливаешься, а всё выглядишь ни жив ни мёртв!
— по-человечески заговорила птица, сокрушённо цокая языком.

— Что случилось? — сухо спросил Янь Фэйду.

— Янь Фэйду! Если будешь и дальше со мной так разговаривать, я ни за что не скажу тебе, что завтра прямо в твоих горах откроется Рынок демонов и призраков! Ой...

Янь Фэйду лишь промолчал.

Птаха, выпалив всё на одном дыхании, вдруг осознала, что проболталась. На мгновение она застыла в глупом оцепенении, а затем, пытаясь спасти остатки достоинства, принялась с независимым видом чистить пёрышки клювом.

— Благодарю тебя, старый друг, — Янь Фэйду чинно сложил руки в приветственном жесте. — Если мне удастся достать ту самую рыбу, мои раны исцелятся сами собой.

Птица тут же развернулась к нему хвостом — явный знак того, что она сгорает от досады и смущения!

— Главное, раздобудь её! А как поправишься, я прилечу проверить, не отдал ли ты концы!

Хлопая крыльями, птаха взмыла в небо, даже не заметив, насколько нелепо и противоречиво звучали её прощальные слова.

Поразмыслив, Янь Фэйду поднялся и, не дождавшись, пока просохнут волосы, направился в задний двор.

Чем ближе он подходил, тем отчётливее слышался шум — словно кто-то отчаянно барахтался в воде. И то правда: для крохотного зайчонка, не способного принимать человеческий облик, этот бассейн был величиной с целое озеро!

Однако плеск становился всё более частым и тревожным. «Неужели... Хан Цзянсюэ тонет?!»

Янь Фэйду прибавил шаг. Над горячим источником клубился густой пар, и сквозь эту молочную пелену ему на мгновение причудилось нечто странное.

Словно изящный, чуть розоватый кончик тонкого пальца на миг скользнул по глади воды.

Янь Фэйду не любил попусту сотрясать воздух, однако косноязычным никогда не был. И всё же в сию секунду дыхание перехватило, а горло словно запечатало густым, вязким мёдом — он не мог вымолвить ни звука.

Развеяв ладонью клубы пара, Янь Фэйду подошёл к самому краю нефритовой чаши.

Перед ним лежала лишь гладкая тёмная глыба, омываемая струями источника, да цветущая персиковая ветвь, упавшая на камень. Вода, размывая ветвь, заставляла её ритмично биться о камень, выбивая тот самый частый плеск.

Янь Фэйду опустил ресницы. Лицо его осталось непроницаемым, но в глубине души мелькнула тень досады на самого себя — надо же было поддаться столь бессмысленной и несбыточной надежде.

— Почтенный? — раздался за его спиной голосок Хан Цзянсюэ.

Янь Фэйду обернулся и увидел кролика величиной с ладонь, аккуратно завернутого в полотенце. Зайчонок неспешно ковылял к нему; его мокрая шерсть ещё не просохла, а на пушистой мордочке сияла блаженная улыбка распаренного в горячей воде счастливого зверька.

— До чего же чудесный источник! Тепло, будто прижался к маминому животику! Вы тоже пришли поплескаться?

Янь Фэйду качнул головой:

— Завтра в горах откроется рынок. Я бы хотел, чтобы ты отправился со мной.

Зайчонок, само собой, охотно кивнул.

Огласив уговор, Янь Фэйду ещё раз бросил короткий взгляд на опустевшую чашу бассейна и лишь затем удалился.

Дождавшись, пока силуэт Янь Фэйду полностью скроется из виду, Хан Цзянсюэ судорожно прижал лапку к груди.

Перепугал до полусмерти! И с чего это Почтенному вздумалось прийти прямо сейчас? Стоило погрузиться в горячую воду, как тело само собой перекинулось в человеческий облик. Какое счастье, что он успел обернуться обратно! Ещё бы мгновение — и Бессмертный застал бы его человеком!

Хан Цзянсюэ вспомнил, как реагировали лесные оборотни, стоит им узреть его человеческую личину: бедняги взъерошивались так, будто перед ними предстал сам Владыка Демонов. Если уж пугались матерые звери, то каково бы пришлось слабому человеческому практику?

Впрочем, для демона внушительная, наводящая ужас внешность — это достоинство. Это же так

величественно! Но пугать Бессмертного вовсе не входило в планы Хан Цзянсюэ. Небожитель ведь такой хрупкий и болезненный, а ну как лишится чувств от испуга?

<http://bllate.org/book/20471/2115394>